

Л.Ф.Алексеева

ТРАГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ 1919 ГОДА В ЛИРИКЕ РУССКИХ ПОЭТОВ

На основе сопоставления некоторых лирических сюжетов стихотворений А.Блока, А.Ахматовой, В.Набокова, М.Волошина, В.Луговского в статье предложены наблюдения над воплощением интеллектуально-аналитических раздумий художников слова о трагедии России 1919 года, парадоксов ее истории и духовной тайны, приоткрытой выдающимися русскими поэтами.

Ключевые слова: национальный дух, поэтический диалог, лирический персонаж, трагизм забвения, библейский образ, стихотворный акафист, мистическое служение

Гражданская война в России настолько потрясла всех свидетелей событий, что потом ещё долго эти годы приковывали к себе внимание многих прозаиков, драматургов, поэтов — и ставших классиками XX века, и до сих пор остающихся в тени. В пространстве внутринационального ожесточения особенным накалом тревог, пиком лишений и утрат выделялся 1919 год, не случайно ставший предметом осмысления и лирического запечатления для многих художников слова, заметивших особое состояние национального духа в «минуты роковые», как определил такие времена Ф.И.Тютчев.

1919-й год попал в поле зрения и начинающих авторов, стал предметом их немногословных стихотворных подборок, принадлежавших людям «короткой судьбы», а также оказался в фокусе поэтических произведений умудренных опытом эстетических и духовных поисков, в том числе странников по историческим временам и своеобразным «путникам по вселенным». Многие из них, может быть, не писали бы стихов, если бы их не побуждали к тому катаклизмы времени, с их всплесками разъяренных волей и неизбежными утратами, страданиями, обращавшими взоры к тайнам *Слова* и *Горним путям*.

Поэт из пушкинской группы Петрограда Георгий Маслов до революции пребывал вместе с ровесниками в «творческом тумане», а суровая действительность послереволюционных лет открыла ему иные грани искусства. В 1919 году молодой поэт умер от тифа в сибирском госпитале. В поэме «Путь во мраке» он так охарактеризовал стихи, возникшие в дни трагических потрясений:

Они без форм. В них есть уродство
Невыношенного созданья,
Но их осветит благородство
Страданья [1].

Стихотворение Анны Ахматовой «Согражданам» (во втором издании с заголовком «Петроград, 1919» из книги стихов «Anno Domini MCMXXI», выпущенной в 1922 году, советская цензура изымала практически из всех экземпляров тиража. Лирический коллективный голос, поэтически воспроизведённый Ахматовой, явно ориентирован на скрытый, но для эрудированных петроградцев весьма прозрачный диалог с Блоком. Как бы отвечая на утверждение Блока «Мы — дети страшных лет России, / Забыть не в силах ничего» [2, т. 3, с. 187], — Ахматова начинает с возражения «знаменитому современнику»: «И мы забыли навсегда...». Ахматову тревожит не память о трагедии, а трагизм полного забвения того, что было жизнью, красотой даже и в «испепеляющие годы», как их определил Блок. Новая полоса истории, тютчевские «баснословные года», вынесенные в эпиграф, как будто вернули «дикую» древность и оглушают память: «В кругу кровавом день и ночь / Долит жестокая истома...» [3, с. 144]. Пророческая суровость, унаследованная Ахматовой от богословской и литературной традиции, вступает в своеобразный спор-согласие с озвученными Блоком голосами его ровесников, уже оставшимися в прошлом. Хор поколения в стихотворении «Рождённые в года глухие...» завершается ектеньёй за людей будущего, тех, «кто достойней» «узреть» царство Божие. Ахматовский голос в финале «Петрограда, 1919» отличается строгостью, сдержанной суровостью: «Иная близится пора, / Уж ветер смерти сердце студит...» [3, с. 144]. И лишь торжественный эпитет «священный» применительно к месту трагических переживаний 1919 года, — «град Петра», — предвещает пессимистическую просветленность, мысль о бессмертии, растворенном в городском локусе, целиком готовящемся стать вместилищем памяти, «памятником» тем, кто обречен смерти.

Запечатлены трагические события и воспоминания о стремительных разрушениях также в лирике весьма молодого тогда Владимира Набокова, создавшего свои варианты печального «Петербурга», хотя в эмигрантскую пору он не включал их в сборники своей лирики. «Город бледный», «прежний чародей», представляет собой печальное зрелище: «Дома скопились, почернели, / <...>/ Повсюду выросла и сгнила / трава. Средь улицы пустой / зияет яма, как могила; / В могиле этой — Петербург...» [4, т. 1, с. 576]. 1919 год для будущего писателя был ознаменован скорбными утратами, расставанием с Петроградом, переездом в Крым. Во время конной атаки в крымской степи погиб друг поэта Ю.Рауш, которому посвящено стихотворение-некролог «Памяти друга». Трудно молодому поэту осознать смерть приятеля, убитого задолго до старости: «он на год, лишь на год был старше меня» [4, т. 1, с. 499]. Двенадцатым ноября 1919 г. датируется стихотворение

«Будь со мной прозрачнее и проще...», строчки которого исполнены тоски о потерянной юности: «Дом сожжён и вырублены рощи, / где моя туманилась весна, // где берёзы грезили и дятел / по стволу постукивал... / В бою / безысходном друга я утратил, / а потом и родину мою» [4, т. 1, с. 504]. Утраты касаются не только событийной сферы, но и нравственной, духовной, поскольку разрушение проникает и в глубину творческой личности, — так создается образ отрицательного лирического персонажа, человека без опоры:

И во сне я с призраками реял,
наяву с блудницами блуждал,
и в горах я вымыслы развеял,
и в морях я песни растерял [4, т. 1, с. 504].

Стихи этого периода включены Набоковым в книги «Гроздь» и «Горний путь» (обе изданы в Берлине в 1923 г.). Названия лирических книг содержат немало упоминаний о ветхозаветной и евангельской истории. Кажется странным, но 1919 год связан у Набокова с глубоким интересом к теории лирики, трудам по стиховедению (в том числе Андрея Белого), осмыслением словесного творчества как мистического служения: «Разбились облака. Алмазы дождевые, / сверкая капают, то тише, то быстрее, / с благоухающих, взволнованных ветвей. / Так Богу на ладонь дни катятся людские; / так — отрывается дыханьем бытия / и звучно падает в пределы неземные / песнь каждая моя...» [4, т. 1, с. 498-499].

В Крыму в марте 1919 года Набоков, как и его современники, ощущал близость смерти, краткость земного существования и неизбежное присутствие в бытийном пространстве вечного, творческого бессмертия. Трагический, плакотно расцвеченный пламенными красками мир, опутанный паутинами огня, приближал его лирического героя, полного «исступленной любви», к беспредельности космоса, откуда ему виделся земной «шар изумрудный в полосе огневого дождя» [4, т. 1, с. 495]. Рисуя в воображении себя «у Бога в плену», герой не утрачивал жизненной энергии: «Я сияньем горю беззаконным / в белой дымке бестрепетных крыл, / и мечтами я там, где ребенком влюблённым и ликующим богом я был!» [4, т. 1, с. 495]. Трагические события в Крыму не перечеркнули для него творческих надежд: «Созданий будущих заоблачные грани / ещё скрываются во мгле моей души» [4, т. 1, с. 496]. За образами выюги возникает видение: «Это — Русь, а не выюга степная! / Это корчится чёрная Русь!» [4, т. 1, с. 500]. Стихотворение, «Панихида», одно из написанных в Крыму, не включенных автором в сборники, явно перекликается и с «Солнцем мертвых» И.С. Шмелева, с картинами и зарисовками в романе «В тупике» В.В.Вересаева [см., например: 5 и 6], с мрачными стихами о страдающей России Максимилиана Волошина. Набоков создает свой вариант скорбного плача в стихотворении с прозрачным названием: «Сколько могил, / Сколько могил, / Ты — жестока, Россия! / Родина, родина, мы с упованьем, / Сирые, верные, греем последним дыханьем / Ноги твои ледяные» [4, т. 1, с. 572]. Ещё в Крыму он написал «странное» стихотворение «Россия» (18 марта 1919). Истоки «ужаса», «терзання» и «позора» родины он приписывает разъяренному, по существу, языческому «Богу»: «Он груди ей, глаза святые выжег, / и что ей пользы в том, что в тишь ее равнин / польется ныне смрад от угольных изрыжек / Европой пущенных машин?» [4, с. 585]. Удручающая картина надругательств над душой и телом России внушает свидетелям её страданий сомнение: «Христу ли, Немезиде / молиться нам теперь? Дождемся ли чудес? / Кто скажет наконец лукавому: изыди? / Кого послушается бес?» [4, т. 1, с. 586]. Подобно птице Феникс, лирический герой продолжает петь среди пожара и верит в воскресение погибшей страны: «сгораю, но пою. / Родная, мертвая, я чаю воскресенья / и жизнь грядущую твою!» [4, т. 1, с. 586].

Для лирики Максимилиана Волошина 1919 год был, может быть, один из наиболее плодотворных, если учесть, что обычно он создавал в течение года всего несколько стихотворений, с огромной требовательностью к себе дорабатывая каждый замысел. В 1919 году вышла книга стихов с горьким названием «Демоны глухонемые». В одноименном стихотворении слетевшие с неба вестники «творят, не постигая / Предназначенья своего». В разгар Гражданской войны коктейбельским хозяином гостеприимного дома созданы «Русская революция» (12 июня 1919), «Красногвардеец» (16 июня 1919), «На вокзале» (29 июля 1919), «Спекулянт» (16 августа 1919), «Буржуй» (17 августа 1919), «Гражданская война» (22 ноября 1919)... Здесь ставшие стихами итоги дум и впечатлений от реалий русской действительности, взрытой мятежными потрясениями. Надо всеми описаниями ужасов в революционном Крыму доминирует сердечное чувство любви и жалости к своей стране, раздираемой идейными, а с точки зрения Волошина, искусственно сфабрикованными противоречиями: «России душу омрачая, / Враждуют призраки, но кровь / Из ран её течёт живая» [7, с. 186].

Очевидные катаклизмы жизни побуждали к обдумыванию важнейших вопросов о прошлом России, ее неровном, неразумном, таинственно грозном и всё же животворящем пути «побед и разрух». В стихотворении «Неопалимая купина» (28 мая 1919 года) библейский образ, ставший метафорой России, внушает читателю священный трепет страха и благоговения: «Мысль замирает пред вещью тайной / И ужасается дух» [7, с. 184]. Исторические реалии напоминали об удивительных событиях прошлого, о необъяснимой гибели сильных и мнящих себя удачливыми обидчиков русской земли: «Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, — / Молнией поражен: / Карл под Полтавой; ужален Москвою, / Падает Наполеон» [7, с. 184]. Мятежная Россия прошлого и новая, революционная, объединены тем, что во все времена она остается «Землей взыскующей любви» [7, с. 206].

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.

Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина! [7, с. 185].

Кажется, что поэт специально ставит в центр осмысления парадоксы, — на первый взгляд, это парадоксы ради парадоксов, например: «в каждом / Стеньке — святой Серафим», от лица русских — «Мы — зараженные совестью...», как будто совесть — это всего лишь русская заразная «болезнь», но этой «тончайшей из всех зараз, / Мечтой врачует мир Россия» [7, с. 187]. Иван Бунин в своих воспоминаниях о Волошине, каким он его увидел в 1919 году, заметил, что по ранним стихам «трудно было предположить, что с годами так окрепнет его стихотворный талант, так разовьется внешне и внутренне» [8, с. 139]. Стало быть, стихи Волошина трагической поры были приняты Буниным как глубокие, хотя он сокрушался, что ужасные факты суровой действительности были поводом «бряцать об этом на лире» [8, с. 145].

Непостижимым творческим порывом бывший строитель штейнерианского храма в Дорнахе пишет стихотворение «Хвала Богородице» (27 ноября 1919), включенное автором в цикл «Возношения». Определения облика Богородицы перенесены Волошиным из акафистов, названий икон, в том числе «Живоносный источник» (у Волошина «Живоносная вода»), «Цвет Неувядаемый», «Неопалимая Купина», «диском солнца облаченная». Поэт предлагает краткие, благозвучно сжатые формулы, символически обозначающие богородичные иконы, словосочетания, отчасти заимствованные из молитвенных песнопений: «Херувимов всех Честнейшая, / Без сравнения Славнейшая, / Огнезранных Серафим, / Очистище чистейшее». Поэт не боится совместить разные молитвы богослужебного канона, дерзает включить в текст стихотворения явные цитаты: «Госпожа Всенепорочная / Без истления Бога родшая, / Незакатная звезда. / Радуйся, о Благодатная, / Ты молитвы влага росная / Живоносная вода!» [7, с. 218]. Это не католическая Дева, но «Приснодевственная Мать». Спасительная миссия Богородицы мыслится Волошиным не только в связи с надеждой на заступничество отдельных живущих и умерших грешников, но и в перспективе полной гибели всего живого по приговору Страшного Суда. «В грозный час, когда над нами / Над забытыми гробами / Протрубит труба, / В час великий, в час возмездья, / В горький час, когда созвездья / С неба упадут <...>», — когда безмерное милосердие Бога будет исчерпано, «раздастся голос Сына: «— “О, племя упрямое! / Я стучал — вы не открыли, / Жаждал — вы не напоили, / Я алкал — не накормили, / Я был наг — вы не одели...» [7, с. 219]. Евангельские слова Христа приобретают под пером Волошина характер уверенного знания о перспективах космического масштаба. Мать Богочеловека, Матушка-Заступница, защищает и на краю бытия обреченных вечной мучке, возражая рожденному Ей на земле Спасителю: «— Я одела, Я кормила, / <...> / Солнце мира приютила, / В чреве темноты...» [7, с. 220]. Волошин конкретизирует предугаданную Апокалипсисом Иоанна Богослова картину «нового неба и новой земли». Пресвятая Богородица, как в период первого пришествия, так и в отдаленном будущем, готова укрыть обреченную на гибель землю от Божьего гнева своим неизменным покровительством (покровом, платом): «В час последний в тьме крошечной / Над своей землёю грешной / Ты расстелешь плат: / Надо всеми, кто ошую, / Кто во славе одесную, / Агнцу предстоят» [7, с. 220]. Хвалебная песнь Богородице в стихотворении Волошина завершается верой в Её материнскую заботу о сохранении души каждого человека на земле, о спасении не только безгрешных, но и неисправимых грешников, которых праведный Суд должен бы подвергнуть неизбежной казни. Обращение к Богородице — неявная молитва, в ней — надежда, что Её произволением любящее сердце Сына не ожесточится в гневе:

Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзённой духом глины,
Без изъятья, — навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного Суда [7, с. 220].

Можно предположить, что в этой позиции поэт близок к масонским идеям «непротивления злу насилием». Кстати, Бунин писал по этому поводу о Волошине: «<...> из его речей о масонах ясно, что он масон, — да и как бы он мог при его любопытстве и прочих свойствах характера упустить случай попасть в такое общество?» [8, с. 142]. Наблюдавшему столько жестоких курьезов, ужасов и примеров человеческого падения в Крыму поэту этим стихотворным акафистом Богородице важно было выразить и внушить современникам доверие к небесному совершенству, способному одолеть, излечить потоки зла. Через 10 лет Волошин написал стихотворение «Владимирская Богоматерь». В.В.Лепяхин опубликовал обстоятельные, содержащие яркие факты и богословские сведения статьи об отношении Волошина к иконописанию и его стихотворении 1929 года [9, 10], к сожалению не упомянув при этом о «Хвале Богородице».

Стихотворение Владимира Луговского «Курсантская венгерка» тоже связано с этой мистически наполненной датой — 1919 год. Посвящена прощальная песня Луговского выпускникам Главной школы Всеобуча, которую окончил сам поэт в 1919 году. Выпускной «бал» происходил в Москве, в царских хоромаш Кремлевского Мало-Николаевского дворца. Ещё сохранялась через 2 года после переворота архитектурная дворцовая роскошь, изысканный интерьер, но уже величайшую ценность приобрела горбушка «колючего хлеба». Празднуют выпуск вместе с будущими кавалеристами девушки в бедной одежде, в городе нет транспорта и освещения на улицах: «Полгода не ходят трамваи, / На улице склад темноты» [11]. «В зале суровом» тревожно и холодно, пронзительно трагическими нотами исполнен танцующий ритм стихов:

Сегодня не будет поверки,
Горнист не играет поход.
Курсанты танцуют венгерку, —
Идёт девятнадцатый год [11].

Луговской писал текст «венгерки» перед началом Второй мировой войны, в 1939 году. Девятнадцатый год предстает здесь как авторское воспоминание о юности и любви. В то же время можно заметить здесь тревожное ожидание новых испытаний, участие в которых предстоит новому поколению: «Коптилки на сцене горят, / Валторны о дальнем привале, / О первой любви говорят <...> Летают и кружатся пары — / Ребята в скрипучих ремнях / И девушки в кофточках старых, / В чинённых тупых башмаках» [11]. Налицо своеобразный романтизм, поэтизация молодости, не отказавшейся от доблестного пути военного служения в суровую пору общенародных испытаний: «Ты что впереди увидела? / Заснеженный черный перрон, / Тревожные своды вокзала, / Курсантский ночной эшелон?» [11]. Девятнадцатый год как будто возвращается, со всеми его трагическими провалами и духовными перипетиями: «И шелест потертого банта / Навеки уносится прочь. <...> Пока не качнулась манерка, / Пока не сыграли поход, Гремит курсовая венгерка... Идет девятнадцатый год» [11]. Преемственность трагической судьбы поколений русских людей освещена Луговским с помощью ретроспективного взгляда в ту эпоху, которая возобновляла и заново вынашивала мысль о постоянно печальных провалах и животворящей сущности России.

Заявленную тему исчерпать в одной статье мало вероятно. В творчестве многих поэтов этот год запечатлен как непомерное страдание и одновременно цветение духа. Мы непременно обнаружим это при синхроническом подходе к стихам Андрея Белого, Николая Гумилева, Николая Клюева, Сергея Есенина, Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Георгия Иванова...

1. Маслов Г.В. Аврора. С предисловием Ю.Н.Тынянова (1922). Несобранные произведения Г.В.Маслова / Вступ. ст. и комментарий Г.П.Струве // Струве Г.П. К истории русской поэзии 1910 — начала 20-х годов. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities, 1979. 178 с.
2. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997. 994 с.
3. Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. / Сост. Н.Артеменко-Толстой; Предисл. А.Долинина; Прим. М.Маликовой. СПб: Симпозиум, 1999. 832 с.
4. Ахматова А.А. Соч.: В 2 т. Т. 1. / Под общей ред. Н.Н.Скатова. М.: Изд-во «Правда»; «Огонек», 1990. 448 с.
5. Новичкова Д.А. Духовный мир персонажей романа В.В.Вересаева «В Тупике» [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 2(14). URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442178> (дата обращения: 15.01.2020).
6. Новичкова Д.А. Мастерство диалога в романе В.В.Вересаева «В тупике» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 135-142.
7. Волошин М.А. Избранные стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. А.В.Лаврова. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.
8. Бунин И.А. Волошин // М.А.Волошин: Pro et contra: Личность и идейно-художественное наследие М.А.Волошина в оценках отечественных писателей, мыслителей, исследователей. Антология / Сост., вступ. статья, коммент. Т.А.Кошемчук. СПб.: Центр содействия образованию, 2017. С. 138-146.
9. Лепяхин В.В. «Образ Твой, над Русью вознесенный...»: Владимирская икона Божией Матери в восприятии М.Волошина // Лепяхин В.В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Изд-во «Отчий Дом», 2002. С. 579-600.
10. Лепяхин В.В. Линия и цвет в иконе и поэзии: По стихам и статье М.Волошина «Чему учат иконы?» // Лепяхин В.В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Изд-во «Отчий Дом», 2002. С. 601-617.
11. Луговской В.А. Курсантская венгерка [Электр. ресурс]. URL: <https://rustih.ru/vladimir-lugovskoj-kursantskaya-vengerka/> (дата обращения: 15.01.2020).

References

1. Maslov G.V. Avrora. S predisloviem Yu.N.Tynyanova (1922). Nesobrannye proizvedeniya G.V.Maslova [Aurora. With the foreword Yu.N.Tynyanov (1922). Unassembled works by G.V.Maslov / Introduction and commentary by G.P.Struve]. In: Struve G.P. K istorii russkoy poezii 1910 — nachala 20-kh godov. Berkeley, Berkeley Slavic Specialities Publ., 1979. 178 p.
2. Blok A.A. Complete works and letters in 20 vols, vol. 3. Moscow, 1997. 994 p.
3. Nabokov V.V. Russkiy period [Russian period]: Works in 5 vols, vol. 1. Saint Petersburg, 1999. 832 p.
4. Akhmatova A.A. Works in 2 vols, vol. 1. Moscow, 1990. 448 p.
5. Novichkova D.A. Dухovnyy mir personazhey romana V.V.Vereseaeva “V Tupike” [The spiritual world of the characters in novel “At the Dead End” by V.V.Vereseaev]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 2(14). Available at: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442178> (accessed: 15.01.2020).
6. Novichkova D.A. Masterstvo dialoga v romane V.V.Vereseaeva “V tupike” [Skill of a dialogue in the novel “At the Dead end” by V. Vereseaev]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta, Seriya: Russkaya filologiya, 2018, no. 4, pp. 135-142.
7. Voloshin M.A. Izbrannye stikhotvoreniya [Selected poems]. Moscow, 1988. 384 p.
8. Bunin I.A. Voloshin [Voloshin]. In: M.A.Voloshin: Pro et contra: Lichnost' i ideyno-khudozhestvennoe nasledie M.A.Voloshina v otsenkakh otechestvennykh pisateley, mysliteley, issledovateley. Antologiya / Sost., vstup. stat'ya, komment. T.A.Koshemchuk. Saint Petersburg, 2017, pp. 138-146.
9. Lepakhin V.V. “Obraz Tvooy, nad Rus'yu voznesennyy...”: Vladimirskaaya ikona Bozhiey Materi v vospriyatii M.Voloshina [“Your Image, Ascended over Russia...”: Vladimir Icon of the Mother of God in the perception of M. Voloshin]. In: Lepakhin V.V. Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature. Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy. Moscow, 2002, pp. 579-600.
10. Lepakhin V.V. Liniya i tsvet v ikone i poezii: Po stikham i stat'e M.Voloshina “Chemu uchut ikony?” [Line and Colour in Icon and Poetry: on the example of verses and M. Voloshin's article “What do icons teach us?”]. In: Lepakhin V.V. Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature. Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy. Moscow, 2002, pp. 601-617.

11. Lugovskoy V.A. Kursantskaya vengerka [Hungarian dance of a military student]. Available at: <https://rustih.ru/vladimir-lugovskoj-kursantskaya-vengerka/> (accessed: 15.01.2020).

Alekseeva L.F. Tragic stories of 1919 in the lyrics of Russian poets. Having compared some lyrical subjects of poems by A.Blok, A.Akhmatova, V.Nabokov, M.Voloshin, V.Lugovskoy, the author proposes observations on the embodiment of intellectual-analytical reflections of word artists about the tragedy of Russia in 1919, the paradoxes of its history and spiritual mystery revealed by outstanding Russian poets.

Keywords: national spirit, poetic dialogue, lyrical character, tragedy of oblivion, biblical image, poetic akathist, mystical service.

Сведения об авторе. Любовь Федоровна Алексеева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Историко-филологического института Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета; ORCID: 0000-0003-3599-7675; modernen@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.